

Я серебристая, большая.
Суп и кашу я мешаю.

Я зубаста и остра,
ложки младшая сестра.

Из стекла или фарфора,
а вокруг неё приборы.
Она — столовая посуда,
и нужна она повсюду.

Я красива и тонка,
разукрашены бока.
А гостей встречаю,
чаем угощаю.

Вспушит она свои бока,
свои четыре уголка.
И тебя, как ночь настанет,
всё равно к себе притянет.

Стеклянная дверь,
но прохода здесь нет.
В ту дверь проникает
один только свет.

Вяжем на ножки
из шерсти одёжку.
Пятка двойная,
резинка цветная.

Он блестит, меня дразня.
Отверни-ка ты меня!
И холодной водою
живо я тебя умою.

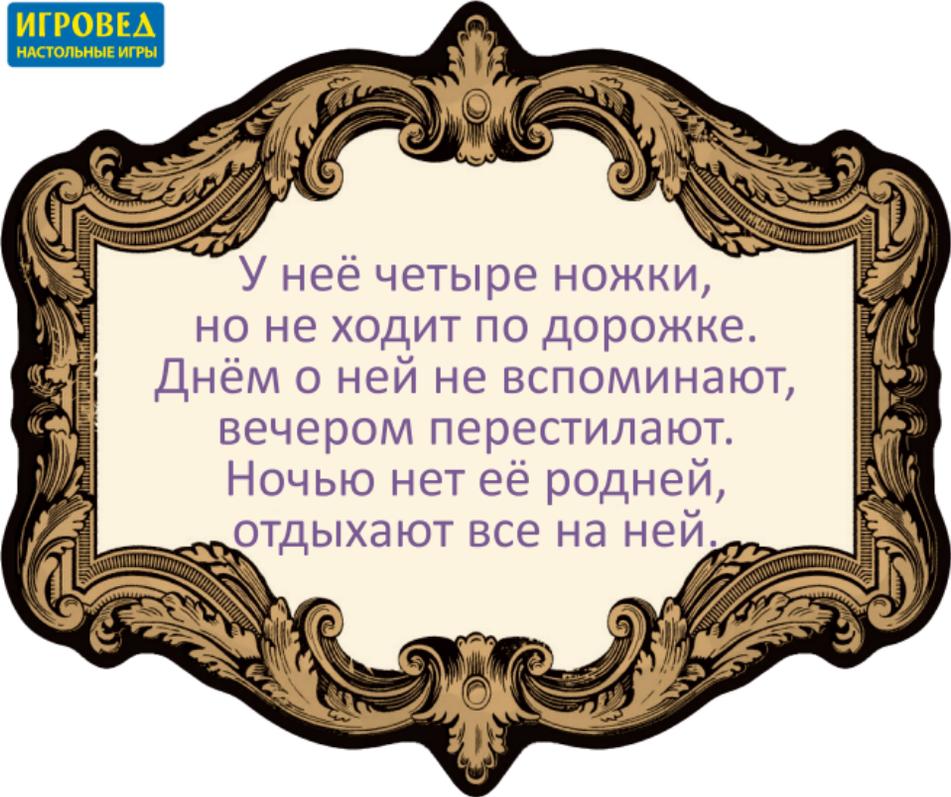
Ускользает, как живое,
но не выпущу его я.
Белой пеной пенится,
руки мыть не ленится.

Отгадать легко и быстро:
мягкий, пышный и душистый.
Он и чёрный, он и белый,
а бывает подгорелый.

На окне я и в лесу,
кислород я всем несу.
И найти меня нетрудно —
я ведь цвета изумруда.

У неё четыре ножки,
но не ходит по дорожке.
Днём о ней не вспоминают,
вечером перестилают.
Ночью нет её родней,
отдыхают все на ней.

Если в воду попадает,
пузыриться начинает.
Волосам опрятный вид
он придаст, когда он смыт.

Что за чудо, что за ящик?
Сам певец и сам рассказчик.
И к тому же заодно
демонстрирует кино.

Далеко живёт твой друг,
но его услышал вдруг.
Звук бежит по проводам —
скажешь здесь, а слышно там.

Кто самый первый
входит в дом,
а все за ним
идут хвостом?

Меня воткни и поверни,
открою банку без возни.

Воду, овощи бери,
суп и борщ во мне вари.

На кухне вафлей притворяется,
все за него хватаются.

Я мою грязную посуду,
найду подход к любому блюду.

Я увидел свой портрет.
Отошёл — портрета нет.

Куртки все свои снимают,
мне на плечи надевают.
Я тебя не обману,
твою одежду не помну.

Мы у порога,
надень нас на ноги,
и тебе не страшны
никакие дороги.

Как похолодает,
из шкафа ты меня достань.
Три крупных пуговицы,
из шерсти моя тканьь.

На мне ты станешь отдыхать,
когда устанешь ты гулять.
А если ты захочешь есть,
то у стола ты можешь сесть.

Он не прочь со мной сыграть
и весь мир мне показать.
Мышь у него послушная,
к сыру равнодушная.

Есть листок, есть корешок,
а не куст и не цветок.

Могу написать записку,
могу написать роман.
У меня есть чернила,
и помещаюсь я в карман.

Я вишу под потолком,
и прячу мир я за окном.

Мы ходим ночью, ходим днём,
а всё же с места не сойдём.

Пользуйся мной
по утрам и вечерам,
чтобы не ходить
по зубным врачам.

Моё горячее дыхание
сушит волосы без нарекания.

Скорее меня
опусти в кипяток,
добавь ложку сахара
и сделай глоток.

С помощью спичек
зажги ты меня,
смотри, как я таю
при виде огня.

Без меня не испечешь
ты ни кекса, ни торта.
Я обычно бываю
первого сорта.

Ходит-бродит по коврам,
водит носом по углам.
Где прошёл — там пыли нет,
пыль и сор — его обед.

Села батарейка?
Разрядился телефон?
Воткни меня в розетку!
Будет вновь работать он!

Скорей, скорей бы лето!
И люди будут класть
дорожные предметы
в мою большую пасть.

Наполни меня
и возьми с собой,
чтоб жажду утолить
в полуденный зной.

Себя он раскрывает,
тебя он закрывает.
Только дождичек пройдёт —
сделает наоборот.